

Ш. А. АМОШАВИЛИ,

*академик РАО, руководитель Международного центра
гуманной педагогики, профессор Московского государственного
педагогического университета, доктор психологических наук*

ДУХОВНАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ

Духовность и гуманность — фундаментальные понятия образования.

Смысл гуманного педагогического сознания и гуманизации образовательного процесса я вижу в их духовной основе. О гуманизме и духовности в образовании сейчас много говорят и пишут. Эти понятия просто становятся модными и даже до какой-то степени привычными, как будто они отражают действительную и повсеместную практику. То же самое случилось и с понятиями «развитие» и «сотрудничество». Каждый учитель с убежденностью скажет, что он развивает своих учеников, хотя многие тут же обнаруживают непонимание сути развития. Также многие могут сказать, что строят отношения с детьми на основе сотрудничества, имея в виду обычный метод вопросов и ответов. Теперь настал черед стать модными понятиям: духовность и формирование духовности, гуманность и гуманное отношение к детям, личность и личностно-ориентированное обучение (воспитание, образование). Есть опасность, что происходит их девальвация.

Этим понятиям, которые возрождаются в нашем меркантильном и технократическом, материалистически озабоченном мире, суждено преобразить его, противопоставить насилию низших ценностей (скажем, чувства собственности, индивидуализма, алчности, культа наживы и т. д.) высшие, такие как: вера в высшее, возвышенное, любовь к ближнему, совесть, служение добру. Но духовность и гуманность потеряют силу влияния, если их превратить в обычные слова и обозначать ими неадекватные, даже противостоящие реалии. Они — понятия, а не просто

слова для разговорной речи; инструменты, а не украшения; поле боя, а не пещеры для укрытия. В них мы вкладываем не только смысл, идеи и чаяния, но и принцип жизни в настоящем и образ жизни в будущем. В них мы возрождаем энергию, накопленную тысячами, которая способна воодушевить многих на духовный подвиг.

Духовность и гуманизм есть фундаментальные понятия, способные содействовать непрерывному эволюционному процессу мира образования и общества в целом, они есть опора для личностного трудного пути восхождения, не говоря о выживании.

Вывод: первое — мы возрождаем понятия, на которые возлагаем надежду, с одной стороны, вывести из кризиса наше педагогическое сознание, с другой — дать ориентир образованию с его целями, процессами и содержанием; второе — имея горький опыт оплошления важных понятий, которым тоже суждено сыграть исключительную роль в обновлении образования, нам следует уберечь понятия духовности и гуманности, чтобы они не утратили заложенную в них энергию преобразования.

Мы должны учесть: эти понятия не кратковременные — сегодня они есть, а завтра уйдут (как, скажем, понятия 1960–1970-х годов — технические средства обучения, программирование или алгоритмизация обучения, новый человек, комплексный подход... в этот ряд можно поставить и понятия: технология обучения, стандарты образования, тестирование, единый государственный экзамен). Духовность и гуманность — понятия для образования вечные. Они всегда присутствовали внутри него, но, к сожалению, в большей

степени как украшение, а не как преобразующая, направляющая сила.

Нам надо говорить о духовном гуманизме

В силу того что духовность и гуманность — фундаментальные понятия, нам необходимо определить их смысл или, точнее, открыть первоначальный смысл. Они достались нам из материалистического сита, и потому все толковые и даже философские словари вкладывают в них материалистическое содержание. Так, слово «гуманный» означает: человеколюбивый, человечный в поступках и отношениях; проникнутый гуманизмом, основанный на принципах гуманизма. Гуманизм (от *лат.* *humanus* — человеческий) поясняется как мировоззрение, основанное на заботе о благе человека и его правах на свободу, равенство, счастье, уважение его достоинства и т. п.

Эти пояснения представляют собой лишь часть отражения сути. Если подойти к слову *Human* с позиции санскрита, то, по нашему убеждению, в нем можно обнаружить суть, которая будет означать: человек (смертный), ищущий в себе Свет, связь с Высшим, опору вечности (духа). *Human* — это человек, устремленный к Высшему, Создателю.

Такой человек свой устремленный поиск осуществляет не только и не столько путем самопогружения, но главным образом через мысли и деятельность в пользу людей, через уважение и любовь каждого человека, в котором он видит себе подобного. Гуманный (человек) принимает каждого как путь поиска своей сущности и сам становится для другого путем. Таков духовный аспект слова «гуманный». Единство иррационального и рационального делает его для нас фундаментальным понятием, полным идейного смысла.

Слово «духовный» в толковых словарях почти приравнивается к слову «нравственный», это искренний, сердечный, добрый, отзывчивый. А духовность поясняется как интеллектуальная, внутренняя, нравственная сущность человека.

Разумеется, данные качества и проявления связаны с духовностью, но и они являются скорее отражением сути духовности, а не самой сутью. Дух — это та Божественная вечная сущность, действие которой направлено на укрощение хаоса и установление порядка и гармонии. Но она же может усилить хаос, разрушить гармонию и потому превратиться в нечистую силу. Говорить о духовности в однозначном смысле не совсем правильно, ибо каждый человек есть ду-

ховная сущность, имеет духовный мир, но нужны долгие наблюдения, чтобы определить качество духовности.

На IV Международных Лихачевских научных чтениях в 2004 году были предприняты удачные попытки определить понятие духовности. Сошлюсь на Н. Д. Никандрова: «...но в человеке есть что-то еще, явно идущее свыше, — то, чего нет у животных. Это я и назвал бы духовностью и духом. Это можно принимать в нерелигиозном и в религиозном плане, в зависимости от того, как человек рассматривает ситуацию и жизнь. Мне кажется, нужно просто заменить двоединство — био и социо — триединством — био, социо, дух. Наверное, это тоже не определение, и философы могут очень многое возразить по этому поводу, но я думаю, что когда мы очень часто говорим о духовности, хоть какое-то понимание нам нужно иметь в виду, иначе мы просто не найдем общего языка».

Интересна мысль доктора философии Г. Силласте. Она сказала: «Когда мы говорим о духовности, то можно четко заложить в это понятие наши представления о том, что у нации нет духовности, если у нее нет своей идеологии, нет идеалов, нет веры и главных целей, ради которых люди готовы жить, работать и даже умирать».

Духовность имеет свое, так сказать, энергетическое ядро, которое в состоянии мотивировать личность и устремить ее к свершениям блага. Ядро это состоит из веры, любви и совести.

По мнению Д. Н. Узнадзе, ребенок приходит в земную жизнь с врожденным чувством веры. А в духовных учениях вера определяется как предчувствие знания. На ее основе человек может открыть в себе или принять из внешнего мира личную истину, которая будет влиять на его мысли и деяния.

Философ М. К. Мамардашвили утверждает идею, что в человеке есть нечто, что от него не зависит, и приводит пример совести. Тайна совести заключается в том, что она есть в нас. «Здоровое общество — это такое общество, которое поддерживает в человеке то, что от человека не зависит — тайны такого рода, как совесть», — говорит философ.

Что есть совесть? Ее образное описание представляется нам таким: совесть есть весы наших поступков, она — путь духовной жизни, законодатель нравственных норм, судья в нашем духовном мире. Совесть не есть общественное явление, не есть регулятор коллективной жизни, она есть сугубо личное состояние. Но можно утверждать, что совесть каждого человека имеет некое об-

щее законодательство, в силу чего субъективные нормы и их оценки, вытекающие из совести, приобретают общественную значимость. Это законодательство и есть тайна совести, тайна происхождения внутри нас той Вести, которая, если мы соприкоснемся с ней и примем ее, сделает нас человеком со-Вести. Весть эта дается человеку Свыше. Человек с совестью сам рождает в себе или с легкостью принимает нравственность. Без совести нравственность превращается в набор правил этикета.

Любовь в человеке в философском смысле — такое же нечто и такая же тайна, как совесть, и она тоже дается ему Свыше.

Все эти суждения мне понадобились для того, чтобы, во-первых, возродить в понятии «гуманность» его духовный аспект, который есть причина внешних качеств и деяний человека, именуемых нами Гуманными. Во-вторых, чтобы подчеркнуть различие между гуманностью в материалистическом смысле, что есть не сама суть, а проявление сути, и гуманностью с аспектом духовности, что делает понятие полным. В-третьих, гуманность в таком понимании более полно отражает смысл гуманной педагогики, о которой далее пойдет речь.

Педагогическое сознание находится в кризисе

Педагогическое сознание давно находится в кризисе. Чем этот кризис определяется?

Первый признак. Мы на протяжении семидесяти лет строили и утверждали так называемую советскую школу и советское образование. Мы далеки от мысли, что в них не было ничего хорошего и от всего надо отказаться. Но то, что мешало развитию педагогического сознания тогда и мешает сейчас, когда жизнь и социальный строй резко изменились, — это авторитаризм. Разного рода авторитаризмом пронизаны и научные педагогические утверждения, и программы со стандартами, и учебники, и методические системы, и характер педагогического общения. Авторитаризм — то же самое, что и насилие. В новых государственных документах по образованию авторитаризм закрепляется с не меньшим усердием, чем в прежних. В них мы не найдем ни слова о гуманизме, тем более о духовности — даже в материалистическом смысле. Как и раньше, защищаются диссертации, но педагогическая мысль топчется на месте. Как и прежде, внедряются инновации, но опять скорее для усовершенствования существующего образовательного строя, чем для пере-

ориентации его на духовные и гуманные ценности.

Второй признак. Педагогическое сознание не предлагает образовательному миру целей образования. Этими целями стихийно становятся следующие: выдержать всевозможные тесты и проверки, поступить в вуз. Образовательный процесс сужается до обучающего процесса. Из школы все больше вытесняется воспитание. Мы не знаем, чего хотим добиться с помощью образования, чему именно образовательный процесс должен содействовать. По-прежнему говорим о некоей подготовке детей к жизни, но для какой жизни — которая уже есть или которая будет спустя двадцать, тридцать, пятьдесят лет? И где эта будущая жизнь — там, за мостом десятилетия, или в наших мыслях и планах? Нас тоже готовили к жизни советского образца, но она рухнула, радикально изменилась, и миллионы людей оказались вовсе не подготовленными к жизни в условиях капитализма, что повлекло за собой трагедии и отчаяние. Можем ли опять замкнуть наше педагогическое сознание на ошибке?

Третий признак. Педагогическое сознание упорно загоняет педагогику в рамки формальной науки. Строит искусственный и формализованный язык для описания педагогической действительности. Эта действительность есть живая жизнь, но научный язык превращает ее в цифры, таблицы, диаграммы, схемы, окутывает ее искусственными понятиями, отдаляя такую науку от тех, кому она предназначена. Она не хочет признать, что «педагогика — «всехняя» наука, и потому надо писать доступно для всех» (В. А. Сухомлинский). Искусственное «обнаучивание» педагогических идей часто маскирует их примитивность или несостоятельность. Узаконенные штампы для написания диссертаций душат творческую мысль, дают возможность любому, независимо от таланта и творческих способностей, стать кандидатом и доктором наук.

Четвертый признак. Педагогическое сознание находится в плену трехмерного — материалистического — восприятия действительности. Весь образовательный процесс со всеми составными элементами и участниками принимается как объективная реальность, независимая от субъективной воли людей. Потому причины кризиса ищем не там, где они закладываются, а там, где они проявляются. Кризис образования начинается внутри нашего сознания; ограниченность сознания лишь материалистическими измерениями

порождает кризис, усугубляет авторитаризм и силовой подход. Ограниченное сознание начинает производить так называемые педагогические технологии, без разбора оперирует понятиями «формирование», «управление» и в эти контексты вовлекает понятия «личность», «творчество» (скажем, «формирование творческой личности», «технология личностно-ориентированного управления обучением», «формирование нравственных убеждений», «технология формирования творческой личности» и др.).

Пятый признак. Авторитаризм в образовании становится несчастьем, а то и трагедией для многих школьников. Агрессия взрослых — родителей, учителей, воспитателей — вынуждает детей и подростков бросать школы, бежать из семьи, из детских домов. По неточным данным, в России от 2 до 8 млн таких детей. А по официальным данным, каждые сутки кончают жизнь самоубийством 17–20 подростков. Ужасает рост детской преступности, проституции, наркомании, алкоголизма, торговли детьми. Разве можно эти бедствия приукрасить тем, что где-то за границей несколько российских школьников победили в конкурсах программистов, математиков, физиков, — лучше бы мы гордились воспитанностью, нравственным обликом, культурной речью многих наших подростков и юношей.

Мы попытались определить те аспекты кризиса педагогического сознания, которые возникают в силу его ограниченности лишь материалистическим восприятием действительности. Такая ограниченность отводит нас и от подготовки учительских кадров. Мы делаем будущих учителей носителями ограниченных взглядов и некоего набора педагогических технологий, вместо того чтобы раскрыть в них творческие способности и зародить устремленность к ценностям гуманной педагогики. Разве трудно понять, что качественное обновление школьного образования зависит не от правительственных решений, а от личности учителя — от его подготовки, взглядов и ценностей, социальной удовлетворенности. Объективный закон педагогического субъективизма таков: учитель реформирует школу, но он же деформирует ее.

Выход из кризиса мы можем найти в расширении сознания

Какие бы условия мы ни определяли для качественного и перспективного обновления мира образования, основа будет заключаться в смене парадигмы педагогического сознания: если наше сознание примет измерение духов-

ности, то постепенно произойдет переориентация образования на новые ценности — на ценности гуманной педагогики. Мы давно имеем перед собой яркий и убедительный пример — это классики педагогики и классическое педагогическое наследие.

Классическая педагогика основана на духовных началах, на началах христианства. Примечательно, что вся классическая педагогика возникла в славянско-европейском пространстве, где христианская религия пустила корни особо прочно и широко. Высоту, вечность, мудрость классические педагогические учения черпают из недр христианства.

Но как только педагогика объявила себя строгой наукой со всеми материалистическими условностями, она начала слабеть и блекнуть. Мы приписываем тому или иному классику роль родоначальника педагогической науки — скажем, Яну Амосу Коменскому, Константину Дмитриевичу Ушинскому. Между тем они, зная, что есть наука, не считали педагогику таковой. В частности, Ушинский подчеркивал, что педагогика не есть наука. Но этим он вовсе не унижал ее, а ставил выше науки, считал самым высшим искусством, какое знает человечество. Не в этом ли ответ на вопрос, почему некоторые классики свои блестящие творения по педагогике создавали не на языке науки, а на языке художественной литературы («Эмиль» Жан Жака Руссо, «Линггард и Гертруда» Иоганна Генриха Песталоцци, «Педагогическая поэма» Антона Семеновича Макаренко, «Когда я снова стану маленьким» Януша Корчака, «Сердце отдаю детям» Василия Александровича Сухомлинского...)?

Классики определили уровень мышления, высшие педагогические ценности. В недрах классического педагогического наследия лежит чаша педагогической мудрости, вечно восходящей Истины. Пусть педагогика ищет в себе научные основания, но она, в первую очередь, есть сфера мудрости. Классики педагогики составляют историю, действительность и будущность развития педагогической мысли. Нам нужно не опровергать их, не заигрывать с ними, не обнаучивать и систематизировать их своими диссертациями, не выхлацивать из них духовную основу, а вжиться в них, оживить В. Коменского, И. Песталоцци, К. Ушинского, Пирогова, А. Макаренко, В. Сухомлинского через со-размыслие, со-творчество с ними.

Нам нужно подняться до уровня сознания классиков.

Если всю педагогическую классику рассматривать как одну личность, в со-бытии

с которой развиваем наше сознание, то нами овладеет живая мысль о природосообразности воспитания, о том, что «ребенок — прах, ребенок — Бог», что «ребенок — микрокосмос, который в состоянии объять макрокосмос», о «всемогущей силе и радости познания». Нам станет понятно, почему без духовной общности воспитание не состоится.

Это со-размыслие, эти вечные проблемы сроднят нас с классиками педагогики, и мы вместе с ними станем как один человек, который восходит по лестнице Иакова.

Духовность сегодня не считается научной категорией и не измеряется; однако мы видим, что именно на ее основе рождается высшая педагогическая мысль, оплодотворяется мир образования, гуманная педагогика становится социально естественным явлением. Так называемая официальная наука строго отдалается от понятия духовности в его истинном смысле, но среди ученых есть известные люди, для которых духовность — привычный элемент мышления, и они не видят противоречия между наукой и религией (А. Эйнштейн, В. Вернадский и др.).

Авторитаризм и насилие не есть черта, присущая только российскому (или даже советскому) образованию. Ими не менее сильно заражены школы Запада. Именно на Западе началось движение так называемой «педагогики ненасилия». Значит, насилие в массовой практике школ признается как факт. И каков выход? Практически никакого, кроме призыва не применять его в отношении детей. Но образовательный процесс, в котором не будет насилия, все равно не станет гуманным и лично направленным, если его специально не сделать таким.

Гуманная педагогика нуждается в допущениях в качестве своей основы

Идеи о допущениях в педагогике не существует, хотя все научные направления, философские и духовные учения, в том числе классические педагогические учения, строятся на них.

Известен яркий пример допущения, на основе которого возникла целая наука, оно принадлежит Н. И. Лобачевскому. В Большом энциклопедическом словаре (1998) читаем: «Открытие Лобачевского... не получившее признания современников, совершило переворот в представлении о природе пространства, в основе которого более двух тысяч лет лежало учение Евклида, и оказало огромное влияние на развитие математического мышления».

Чем допущение масштабнее, тем масштабнее и мощнее становится сама наука или учение, опирающиеся на него.

Классическая педагогика нашла свою основу, отмеченную вечностью. Для Марка Фабия Квинтилиана на заре христианской эры она выражалась в аксиоме: «Наша душа небесного происхождения». Отсюда — все его взгляды на ребенка, на воспитание и обучение, отсюда и его практическая педагогическая деятельность.

Для Яна Амоса Коменского такой основой является христианское учение, и он в текстах или подтекстах своих трудов постоянно опирается на него, давая свое толкование стихам Нового Завета.

Христианское учение пронизывает труды Константина Дмитриевича Ушинского, Иоганна Генриха Песталоцци. Христианская духовная культура есть подтекст педагогических взглядов Василия Александровича Сухомлинского.

Гуманно-личностная педагогика, которая сложилась в нашем опыте и является одной из вариаций на тему гуманизации образования, строится на фундаментальных допущениях, аксиоматических началах, составляющих Истину для мировых религиозных учений и предмет многих духовно-философских исканий. Суть допущений заключается в следующих трех положениях:

- душа человека есть реальная субстанция;
- она устремлена к вечному восхождению и совершенствованию;
- земная жизнь есть отрезок пути восхождения.

Из этих допущений выводятся три постулата, лежащие в основе веры учителя в Ребенка:

- Ребенок есть Явление, то есть «веление духа» в нашей земной жизни;
- Ребенок несет в себе свою жизненную задачу, жизненную Миссию, которой он должен служить;
- Ребенок несет в себе неограниченную энергию духа.

Это есть попытка осознать духовный аспект гуманного педагогического мышления, смысл духовного измерения.

Но так как Ребенок есть еще и субстанция природно-естественная, иначе — материальная, то необходимо, чтобы наше сознание охватило его и с этой точки зрения. В данном случае имеется в виду психологическая природа, которая заключена в его теле. По словам Д. Н. Узнадзе, в Ребенке изначально содержатся семена его будущей личности. Проявление этих задатков связано со следующими

стихийными устремлениями, лучше сказать, со страстями:

- к развитию;
- к взрослению;
- к свободе.

Эти страсти есть сфера психологической науки. Она обнаруживает в них возрастные закономерности, что есть объективная реальность.

Ребенок есть единство заключенных в нем духовных и природных сущностей, он есть суть союза Неба и Земли, Души и Тела. Но он еще и неповторимая частица Целого, уникал среди уникалов.

Гуманная педагогика рождает акцентологию

Духовные начала гуманной педагогики и психологическое понимание природы Ребенка в единстве создают педагогическое мировоззрение, через которое осмысливается вся образовательная атрибутика, все составные части образования. Это и создает особое направление, именуемое нами акцентологией. С позиций акцентологии одни проблемы, которые считались важными для традиционной педагогики, в гуманной теряют смысл, другие — переосмысливаются. Но возникает третья группа проблем, которая специфична именно для этой педагогики. Таковыми являются:

- проблема воспитания добромыслия, прекрасномыслия и чувства ответственности за свои мысли;
- проблема развития, обогащения и возвышения уровня духовной жизни;
- проблема развития доброты, прекрасноречия, чуткоречия, мудроречия и воспитания ответственности за свое слово;
- проблема воспитания чувства возвышенной любви, сострадания, сорадости, уважения, помощи, оказания услуг;
- проблема отношения к собственности без чувства собственности;
- проблема возвращения чувства долга;
- проблема раскрытия сути совести и умения жить по совести;
- проблема самопознания и саморазвития и т. д.

Особая важность придается личности учителя, которому предлагается верить в:

- безграничность Ребенка;
- свою (учительскую) искру Божию;
- силу гуманной педагогики.

Учитель есть творец своего субъективно-образовательного поля, поэтому от его личности зависит качество, облагораживающая сила этого поля. Для учителя складываются аксиоматические нормы:

- любовь воспитывается любовью;
- доброта воспитывается добротой;
- благородство воспитывается благородством;
- личность воспитывается личностью и т. д.

Отсюда необходимость постоянного творческого восхождения учителя и следования правилам: «Уча — учимся», «Воспитывая — воспитываемся», «Образовывая — образовываемся сами».

Гуманно-личностная педагогика в качестве главной цели образования выдвигает идею воспитания Благородного Человека.

Акцентология гуманной педагогики переосмысливает понятийную базу с целью раскрытия в ней духовных аспектов.

Гуманную педагогику следует утверждать именно в нашей сегодняшней действительности

Возникает вопрос: нужно ли воспитывать школьников в гуманной атмосфере, когда общество негуманно?

В одном крупном российском городе после семинара ко мне подошла учительница химии и спросила с возмущением: «Вы говорите, что детей надо любить?» — «Почему я? Об этом твердит вся классическая педагогика!» — ответил я. — «Значит, ошибается ваша классика. Зачем мне лишние головные боли. У учеников есть родители, вот и пусть любят, сколько хотят. А мне их любить не надо. Зато я дам им хорошие знания по химии, и они выдержат всякие испытания!». Мне нечего было ответить.

Если учитель не любит детей, силой не заставишь полюбить их.

Что касается общества, которое негуманно. Пусть общество такое, но может ли школа, «мастерская человечности» (Коменский), отказаться от своего предназначения? К сожалению, в педагогической литературе бытует понятие: адаптировать детей к жизни, приспособить детей к жизни. Школа создана не для того, чтобы приспособлять детей к жизни, которая творится негуманным обществом. Не жизнь производит негуманных людей, а их слабости, бездуховность и безнравственность делают ее жестокой и негуманной. Адаптировать детей к жизни, которая полна жестокости и злобы, агрессивности и криминала, значит способствовать еще большему ухудшению жизни. Можем ли мы, люди образования, ждать того времени, когда общество возвысится нравственно и гуманизм станет его определяющим качеством, нормой, чтобы приступить к утверждению идей гуманной

педагогике в образовательном мире? Зачем нам такая школа?

Именно сегодня, когда в обществе так мало благородства, школа обязана взять на себя созидательный труд воспитания благородных людей, духовно и нравственно возвышенных личностей.

В утверждении этой мысли спешу обратиться за помощью к Владимиру Ивановичу Вернадскому. В 1918 году, когда общество страдало осложненными формами болезни антигуманизма, антидуховности, античеловечности, В. Вернадский записал в своем дневнике: «Нельзя отложить заботу

о великом и вечном (то есть об образовании. — Ш. А.) на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения всех элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет “хлеба и зрелищ”: есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью. Неужели учитель будет довольствоваться, когда он будет воспитывать Скалозубов, Молчалиных, жадных до денег банкиров? Хорошо жить во имя чего? Надо искать более высокие идеалы. Любовь к человечеству — маленький идеал, когда живешь в космосе».